

ПУТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Илья Серман

Живой Лермонтов

Что мы знаем о Лермонтове-человеке? Если мы зададим себе этот вопрос, то вынуждены будем признать, что очень немного. И понятно, почему никто не решился предложить читателям нечто вроде известной книги Вересаева «Гоголь в жизни». Мешала и мешает скудость сохранившихся материалов. Утерялись или были уничтожены письма Лермонтова, мы не знаем, но их нету, вернее — очень мало. Дневников он, по-видимому, не вел, да и слишком коротка была его жизнь, чтобы оставить после себя ворох документальных свидетельств. Современники не оставили нам ничего, кроме рассказов о его несносных привычках дразнить и поддразнивать до остервенения (как это кончилось с Мартыновым — мы помним), о его трудно выносимом взгляде, которым он любил смущать знакомых и незнакомых, о его донжуанских походах и т.д.

Ни одной попытки целостного психологического портрета те, кто его видел, нам не оставили.

Одни — по неумению постигнуть столь сложную натуру, другие — по краткости знакомства. Причин было много, и для нас не они важны, а безрадостный итог, который называется «Лермонтов в воспоминаниях современников» и содержит множество воспоминаний людей, видевших Лермонтова один-два раза в жизни, да еще иногда в самом юном, подростковом возрасте мемуариста.

Найдич не склонен прямо переносить в биографию Лермонтова то, что так соблазнительно было бы прочесть в его стихах. Такие попытки делались и делаются, и они не дали сколько-нибудь удовлетворительных результатов. Количество попыток восстановить облик Лермонтова в прозаических, стихотворных и драматических произведениях, как известно, необозримо. Уже к началу 1930-х годов Пав-

ленко написал «Тринадцатую повесть о Лермонтове», самое название которой указывало на количество уже к тому времени известных попыток в повествовательной форме воссоздать личность и объяснить судьбу поэта.

Большая часть этих повествовательных опытов опиралась на мемуары и письма Адель Омер де Гелль, французской путешественницы и писатель-

Пушкина князя П.А.Вяземского.

Все позднейшие опыты беллетристики или драматизации вынуждены были обходиться без использования этой фальшивки.

Пользуясь собственными средствами и представлениями о Лермонтове и его времени, некоторые авторы иногда заставляли лермонтовских друзей изъясняться на сленге 1960-х. Так в од-

жизни и творчества Лермонтова. Начиная он под руководством замечательного ученого, одного из славной плеяды русских филологов 1920-х годов, Бориса Михайловича Эйхенбаума. В общении со своим учителем Э.Найдич воспринял от него уважение к фактам и умение постигать их смысл и историческое значение.

Рано начав работать самостоятельно — первая его работа о Лермонтове была опубликована в 1947 году, — Найдич продолжал и продолжает свои исследования жизни, творчества и литературных отношений Лермонтова.

Некоторые итоги этих неустанных и большей частью удачных исследований Э.Найдича отразились в выдающемся по точности воспроизведении лермонтовских текстов и их комментированию в полном собрании стихотворных произведений Лермонтова, изданном в 1989 году тогда еще выходящей «Библиотекой поэта».

В книгу под скромным названием «Этюды о Лермонтове» Найдич включил только девятнадцать своих исследований — как было бы правильнее назвать эти «Этюды», — менее половины им написанного за полвека работы.

Открывается она большой работой, а не «этюдом», о юношеской лирике Лермонтова московского периода его жизни. Найдич много занимался и этой эпохой поэтического ученичества и самоопределения Лермонтова, разделяя мнение тех исследователей, которые считали, что важно и интересно проследить, как начиналось формирование великого писателя.

Завершается книга Найдича этюдом «Заветная мечта поэта», который посвящен одной из самых важных проблем современного Лермонтову общественного сознания: «можно ли совместить борьбу за свободу с человечностью, гуманистическим началом?» — как формулирует эту проблему Найдич, человек нашего времени и нашего исторического опыта.

Для себя решение этой проблемы Лермонтов искал, переосмысливая опыт Французской революции (1789—1793) в поэме «Сашка» и в стихотворении «Последнее новоселье», а ранее — в незаконченном историческом романе «Вадим», действие которого происходит во время Пугачевского восстания 1773—1774 гг. Но он не ограничивал свои поиски решения проблем человечности и гуманизма историей. С необыкновенной для своей эпохи смелостью Лермонтов привлекает, как показывает Найдич, в стихотворении «Валерик» (1840) свои личные впечатления о войне на Кавказе и показывает ее жестокость, бессмысленность и бесчеловечность. Этюд Найдича написан до нынешней Чеченской войны, а читается как прямая на нее намек.

Между названными пограничными этюдами автор расположил свои исследования на самые различные, как будто ничем не связанные темы: о символе в поэзии Лермонтова, о лермонтовских эпиграммах, о поэме «Сашка», при жизни Лермонтова неопубликованной, почему с ней связано несколько трудно решаемых текстологических проблем и не ясна хронология работы над ней поэта.

В этюде «И все-таки Чаадаев» Най-

«Русская мысль»

дич развивает свою точку зрения не только на загадочное и вызывающее много толков стихотворение «Великий муж! Здесь нет награды», но и на весь комплекс отношений (идеологических) Лермонтова и Чаадаева.

А через несколько этюдов мы читаем о Пасковье Бартеневой, которая в московском обществе «блистала красотой и замечательным голосом» и, как в свое время показал Найдич, «оставила заметный след в творчестве Лермонтова».

В этой книге Лермонтов появляется в самых иногда неожиданных своих отношениях, будь то литературные, личные или общественные. Много внимания уделено творческим взаимоотношениям с Пушкиным, с которым лично Лермонтов знаком не был.

Оригинален, применительно к лермонтовской поэзии, по постановке темы, этюд «Дар бесценный». Как справедливо замечает Найдич: «Обычно в поэзии Лермонтова главное внимание обращали на любовные коллизии, стремились увидеть в его лирике стихотворные циклы, связанные с определенным именем. Мимо нашего внимания часто проходило стремление поэта в зрелые годы запечатлеть привлекательный женский облик как бесценный дар природы». Найдич считает, что «можно не согласиться с мнением Белинского о том, что «Дар Терек» — «поэтическая апофеоза Кавказа». Стихотворение построено так, что его центром становится «апофеоза» женской красоты.

Такое же подчинение теме женской красоты Найдич видит в поэме Лермонтова «Демон»: «Лермонтову в его философско-символической поэме был необходим образ, как бы равновеликий Демону. (...) Поэтический режиссер лермонтовской Тамаре во второй части поэмы — одно из достижений русского искусства; он превращается в гимн жизни и женской красоте как высшим ценностям природы».

Если принять эту точку зрения на Лермонтова как на «блгомошца» женской красоты (определение принадлежит современнице и близкой знакомой Лермонтова поэтессе Евдокии Ростопчиной), то, может быть, следует иначе посмотреть на стихотворения Лермонтова, обращенные к звездам петербургского света (Э.К.Мусиной-Пушкиной, А.К.Воронцовой-Дашковой), и читать их не как мадригалы, а как гимны женской красоте и привлекательности.

Найдич сам не дает в этом этюде определения лермонтовского характера, Лермонтова-человека. Он, видимо, не решает из-за привитой ему в ленинградской филологической школе осторожности по отношению к фактам сделать какие-нибудь соблазнительные выводы о лермонтовском характере в целом. Поэтому осторожность автора «Этюдов» нам понятна; но читатель этой книги вправе посетовать на автора. Ведь, в сущности, его книга построена так, что она дает необыкновенно живо ощущаемое представление о Лермонтове-человеке, при этом всегда, во всех «этюдах» Найдич держится строго в рамках доступного ему и чаще всего им же добытого историко-литературного материала, не пускаясь в досужие вымыслы. В книге создается интересный и сложный, хотя и мозаичный портрет Лермонтова-человека в его сложном соотношении с Лермонтовым-поэтом.

Эта сложная и мало кому доступная работа по воссозданию подлинного характера Лермонтова у Найдича всегда накрепко связана с тем, что нам доподлинно известно о поэте и что в значительной степени добыто самим исследователем.

Так, в превосходном исследовании «Спор о "Демоне"», которым в свое время Найдич завершил окончательно

«Русская мысль»

многолетние дискуссии о тексте поэмы, установив, когда Лермонтов закончил работу над ней, есть одно очень интересное в психологическом смысле замечание.

Установив, что воспоминания одного из современников Лермонтова, незначительного литератора П.К.Мартянова, несмотря на некоторые неточности, содержат много достоверных фактов, Найдич обращается к одному из его сообщений. Как известно, по инициативе императрицы Александры Федоровны, жены Николая I, «Демона» захотели прочитать «при Дворе».

Найдич пишет: «В книге Мартянова содержатся интереснейшие строки: «При дворе "Демон" не стяжал особой благосклонности. По словам А.И.Философа, высокие особы, которые удостоили поэму прочтения, отозвались так: «Поэма — слов нет, хороша, но сюжет ее не особенно приятен. Отчего Лермонтов не пишет в стиле "Бородино" или "Песни про царя Ивана Васильевича"?»

Напомним, что А.И.Философ, двоюродный дядя Лермонтова по жене Анне Григорьевне, с 1838 года был воспитателем младших сыновей Николая I. Большой поклонник поэзии Лермонтова, Философ, так сказать, из первых рук мог знать, как восприняли лермонтовского «Демона» «высшие особы». На этом основании Найдич высказывает очень интересное и очень убедительное предположение: «Эти слова, взятые в кавычки (...) могут принадлежать только Николаю I, так как мнение императрицы было иным. Любопытно, что этот отзыв перекликается с мнением царя о "Герое нашего времени", где он назвал гениальный роман "жалкой книгой" и считал, что автор "из-за своей испорченности не сделал главным героем благородного и простого Максима Максимыча».

Оба эти отзвыва самого могущественного из читателей поэта могли произвести на Лермонтова впечатление самое безотрадное. Имея их в виду, Найдич предлагает в своей книге пронизательный анализ единственной прямой литературной оценки Лермонтова, его стихотворения «Журналист, читатель и писатель». Он видит в нем не утверждение какого-либо определенного мнения о возможных судьбах русской литературы, а только Лермонтову свойственное стремление увидеть и оценить различные возможности, которые может представить поэту тогдашнее положение литературы: утешать или пробуждать дух протеста.

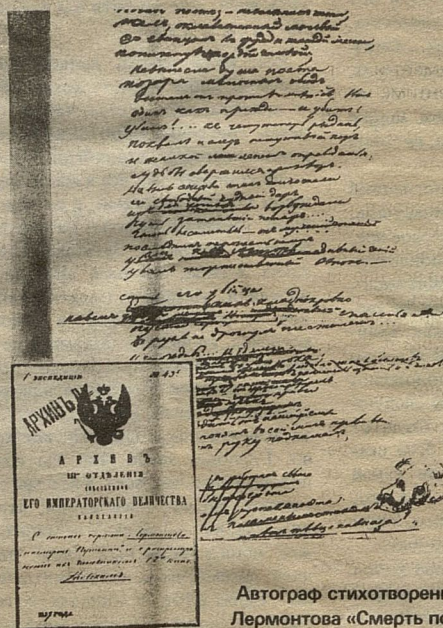
Полувековой, если не больше, опыт беллетристического воспроизведения образа Лермонтова-человека бесплоден. Книга Найдича показывает, что есть только один путь к этому трудно воспроизводимому характеру — путь через факты, которые автор «Этюдов о Лермонтове» умеет, как никто, находить и объяснять.

ИЛЬЯ СЕРМАН

Иерусалим

Михаил Лермонтов.

Автограф стихотворения Лермонтова «Смерть поэта» и «дело», заведенное III Отделением в связи с распространением произведения.

ницы. На самом деле дневник и письма ее с сообщениями о встречах с Лермонтовым были талантливой литературной мистификацией, своего рода «романом», автором ее оказался, как было установлено в 1935 году, Павел Петрович Вяземский, сын друга

ной драме Монго-Столыпин говорит Лермонтову: «Не прибедайся, Миша».

Не подменяя факты домыслами, Э.Найдич построил свою книгу на строго проверенном материале: итогам его полустолетних исследований

Э.Найдич. Этюды о Лермонтове. СПб, «Художественная литература», 1994.